

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Военный летчик Василий Васильевич Щербаков одним из первых среди «афганцев» стал Героем Советского Союза.

После Афганистана В. Щербаков служил на различных командных должностях. Офицерский путь закончил в должности начальника управления авиации 7-й танковой армии (БВО), в звании полковника.

В 1993 году был избран заместителем председателя Белорусского союза ветеранов войны в Афганистане (БСВВА).

С 1994 по 1995 год занимал должность заместителя председателя Комитета по социальной защите военнослужащих, лиц рядового и начальствующего состава, уволенных в запас, отставку, и членов их семей при Совете Министров нашей республики.

С 1995 года по настоящее время – заместитель председателя БСВВА.

Выписка из приказа министра обороны Республики Беларусь от 18 февраля 1999 года № 82 «О зачислении ветеранов Великой Отечественной войны и Вооруженных Сил почетными солдатами в воинские части и подразделения Вооруженных Сил Республики Беларусь».

В целях сохранения и укрепления боевых и ратных традиций соединений и воинских частей, патриотического воспитания военнослужащих и в честь 81-й годовщины Вооруженных Сил Республики Беларусь приказываю:

– зачислить почетным солдатом Героя Советского Союза полковника в отставке Щербакова Василия Васильевича в 1-ю вертолетную эскадрилью 276-й боевой вертолетной базы.

Жарко... По едва заметной горной тропе осторожно, цепко поднимаются несколько человек. Останавливаются. Прислушиваются. Поворачивают обожженные солнцем бородатые лица в сторону зубристой горы, из-за которой доносится неясный пока гул двигателей.

Старший отряда, заросший по самые глаза дикой щетиной моджахед, подает рукой сигнал, и люди в пропыленных темных одеждах исчезают, сливаются с серыми наростами растрескавшихся скал. Через минуту над ними проплывают акулы брюшины советских «вертушек»...

Щербаков нарушил молчание. И видение, навеянное его рассказом, исчезло. Мысли вернулись к прерванному разговору, в настуженную комнату борисовской ассоциации воинов-интернационалистов.

С Героем Советского Союза полковником запаса Василием Щербаковым мне помог встретиться Олег Чигорин, председатель этой организации, высокий человек, стесненный крохотными размерами одноэтажного здания ассоциации. Он то и дело ломал шею в низких проемах дверей и оттого казался большим и нескладным подростком. Щербаков – мужчина широкой кости, обритый почти под ноль. Взгляд тяжелый. На высоком лбу просочились и собрались в одну крупную складку бороздки мелких морщин.

Щербаков прокурил всю комнату. В пепельнице – суточная доза заядлого курильщика.

– Вот, послушай, что ваши написали обо мне, – говорит Щербаков и зачитывает местную районную газету – «Внезапно очередь вывела из строя вертолет Копчикова. Он приземлился на вспаханное поле, рядом с кишлаком, взятом душманами. Времени для принятия решения не было – к вертолету, совершившему посадку, бежали духи»...

– Врешь, не возьмешь! – крикнул Щербаков...

Щербаков просиял от удовольствия. (Мне казалось, что этот человек даже не улыбается). Журналистская стряпня пришлось ему явно по вкусу.

«– Врешь, не возьмешь! — крикнул Щербаков. В его руках заговорил пулемет.»

Крепко, от души рассмеялся:

– Это получается, что я бросил управление и начал, как Рембо, «колбасить» всех внизу.

На мой вопрос, как оно было на самом деле, – Щербаков пожимает плечами: ко всей этой шумихе вокруг него он относится с известной долей юмора.

Биография его обыкновенная: учился, получил специальность слесаря. Работал, перевыполнял план... Мечтал стать летчиком. Стал хорошим летчиком. Все это далось тяжелыми тренировками. А подвиг – сродни удаче, он предпочитает «танцевать на крыльях случая».

Василию Васильевичу везло исключительно. Однажды в горах вертолет Ми-8 Щербакова попал под огонь душманов. В тесном ущелье быстрая маневренная машина превратилась в заложника скал: назад не повернешь – слева и справа тесные серые стены одной страшной каменной могилы. Выход один — «грести винтом вперед и ждать пулю в «ягодник»». А «духи» уже салютовали советским «смертникам» из всех видов оружия.

Долетевший чудом до аэродрома, вертолет напоминал свекольную терку. В редукторном (!) отсеке насчитали десять пробоин.

В другой раз. пролетая над горами, экипаж Щербакова почувствовал сильный удар по хвостовой балке. Ведомый подлетел, но ничего не увидел. Только после посадки Щербаков обнаружил, что в одном из тросов управления хвостового винта остались всего несколько «нитей». Стоило им оборваться – и поминай как звали.

Как-то, осматривая тесное ущелье, похожее на окаменевший кишечник чудовища, Щербаков... почувствовал чей-то пристальный взгляд. Скосил, не поворачивая головы, глаза и – обмер. В нескольких метрах от вертолета, на узком выступе скалы стоял душман и спокойно целился Щербакову в голову. Настолько близко, что Василий Васильевич почти физически ощутил, как темное дуло автомата упирается в голову и холодит висок... «Если поверну голову – хана...», – почему-то решил Щербаков. Тело вдруг стало непослушным. Он ждал беспощадного неотвратимого выстрела. Вертолет медленно, слишком медленно, точно карабкаясь на непреодолимую высоту, удалялся. Щербаков понял, что странный человек в чалме, надвинутой на глаза, не выстрелит. Почему? На этот вопрос мог ответить только тот безымянный, рассуждающий по-своему мудро, непостижимый горец.

Василий Васильевич спас жизнь другу, когда тот приготовился умереть. В тот день

вертолетчики патрулировали довольно опасный район.

Командир эскадрильи майор Щербаков – ведущий, заместитель по политчасти капитан В. Копчиков – ведомый. Внизу тянулся затянутый знойным маревом распадок, вдоль него блестела, точно умирала от жажды, горная дорога... Рваную аппликацию острых скал разорвал высокогорный кишлак. Зенитный пулемет ударил именно оттуда. Неожиданно, почти в упор.

Руки автоматически отвели машину от опасного курса. Небосвод качнулся, и кривую зубчатку гор залила огромная небесная волна.

Радиосвязь пропала. В шлемофоне шипел, скрежетал некий оборванный нерв. Перед глазами вращалась черепица горных вершин, обрывки неба, загнанное в каменный мешок солнце. Но что же с ведомым, с Копчиковым? Разглядеть на фоне этой скачущей, пещерной, ноздреватой земли вертолет капитана Копчикова было бы невероятной удачей.

– Командир! Я вижу! Я вижу Копчикова! – обреченно сорвался голос правого летчика.

Доклад – как приговор: Володя сбит.

Вертолет Копчикова терял высоту. Из пробитых баков хлестал керосин, оставляя в небе белесый след...

Машина рухнула, подняв вихрь пыли. Уцелевшие летчики выскочили, залегли рядом. Щербаков увидел место падения ведомого, увидел распластаный, захваченный боем экипаж Копчикова. Он видел, как сжималось вокруг кольцо моджахедов.

Ярость, молодая, отчаянная, захватила сердце Василия Васильевича: спасу!

Машина пошла вниз.

– Успею!

Севший вертолет... сбил душманов с толку. Исхлестанные ветром, песком и пылью, они замерли в изумлении перед безумным поступком советского пилота.

Щербаков не мешкал. Выскочил из машины. Упал грудью на горячий краснозем. Шумно, неумно, почти у самого горла заколотилось сердце. Вокруг запели пули, зацокали обо что-то твердое и перешли на визг, словно сожалея, что не нашли цели. В ответ у майора дернулся автомат, выдохнул сладкую пороховую гарь, и Щербаков остро почувствовал, как встрепенулся. Как ожил в хищном, затаенном движении этот чужой мир.

Потом ему казалось, что остальное он сделал на единственном вздохе: перебежал, падал, давил грудью острые сухие комья земли, стрелял, что-то кричал. Опомился только тогда, когда туманно и широко мелькнуло воспаленное лицо Копчикова, в которое он крикнул:

– На борт!

Сжатая до предела пружина времени сорвалась и теперь бешено раскручивалась в обратном направлении, вырывая секунды, нужные Щербакову для взлета.

«Духи» из всех стволов лупили по взлетающей «вертушке». Пули дырявили тонкий корпус Ми-8, проносились над головами чудом уцелевших людей. Ощущение близости горячего свинца, отвратительное ожидание острой боли окончательно измучили Щербакова. Под сердцем остро шевельнулось тошнотворное чувство страха и усталости... Мелькнуло тоскливое воспоминание, смутное желание исчезнуть во влажной хвойной прохладе полоцких лесов.

Отчаявшись сбить уходящую машину, душманы бросились к вертолету Копчикова. Щербаков увидел несколько десятков черных фигур, терзающих ножами несчастную машину. Он физически ощутил нечеловеческую силу ненависти, слежавшуюся пластами за тысячи лет на

душной афганской земле. Жажда мести за испытанный страх, за смертельное изнеможение, за безумие ослепила майора. Со жгучей тугой яростью лопнули сброшенные гранаты, поднимая с этой прокаженной земли столбы ржавого песка. Ухнуло в горах эхо...

Вертолет комэска Василия Щербакова, продырявленный, изувеченный, уносил в бездонное небо над грозными враждебными горами два экипажа. Смерть отдалялась, уходила ниже, ниже. Выше было только небо...

Небо... Трудно представить махровую синеву неба Афганистана здесь, в хмуром заснеженном белорусском городке. Трудно представить Щербакова, белорусского балагура, в пекле азиатского лета... Прощаясь, он крепко пожал мою руку. Когда-то вот так же он жал руки своих товарищей, отправлявшихся на боевые. Это было за тысячи верст отсюда. Там, где стоял когда-то

непреступный Гиндукуш. Где солнце сожгло сухим пламенем гребни древних щербатых вершин и теплая позолота шелковистых трав покрыла склоны сутулых гор...

Это было за тысячи верст от Беларуси. От его Родины.

*Дмитрий Каршакевич,
капитан, корр. журнала «Армия»*